Профессор Восточного Факультета САГУ
Е. Д. ПОЛИВАНОВ.

ПО ПОРУЧЕНИЮ Уз. АКЦЕНТРА

س.س.س.ر. ده‌گی تۇرك ئملاله‌رینی
لاتنچه له‌شدیرش پلانله‌ری

ПРОЕКТЫ ЛАТИНИЗАЦИИ ТУРЕЦКИХ ПИСЬМЕННОСТЕЙ СССР.

К Туркологическому С'езду II 1926.

Издание Узгиза.
Ташкент, 1926 г.

Ташоблпит № 80 Тип. № 2 Узгосиздата Заказ 1167. Тираж 1500.

На все реформы письменностей у народов СССР, —реформы датируемые Революцией (т. е. зародившиеся или начавшие проводиться в жизнь с эпохи Октября)—начиная с русской орфографической реформы, следует смотреть, как на процессы революционного происхождения и характера. Это подлинная часть от целого—Революции, часть Революции, протекающая в узкой области духовной культуры: в области технических средств культурного общения И связь этих «графических революций» с политическими лозунгами Революции—несомненна. Поскольку новая русская орфография означала собою демократизацию письменности, уничтожение одного из внешних признаков привелигированности интеллигенции (в виде необходимого для «вполне образованного» интеллигента знания правил о «яти») и реальнейшую помощь делу ликвидации неграмотности, постольку эти принципы вместе с лозунгами национального культурного возрождения порабощенных «инородческих» народностей одушевляют и двигают дело графических реформ у нацменьшинств Союза

Действительно, рационализировать графику данной национальной письменности, сделав ее легчайшим средством изображения звуков данного языка это значит. единым организованным приемом раз навсегда облегчить дело народного учителя, сократить срок обучения грамоте и тем приблизить народные массы к полной поголовной грамотности Тезисы же НарКомНаца, гарантирующие начальную школу на родном языке (и даже диалекте) каждой из национальностей, ставят эту задачу в числе очередных задач просвещения каждой из народностей СССР. У большинства турецких народов СССР программа графических реформ могла мыслиться в двух направлениях. С одной стороны, стояло на очереди упорядочение средств традиционного арабского алфавита, с другой стороны (в виду принципиальных и до конца ни в коем случае неискоренимых неудобств арабского письма) переход к совершенно иному, простому, а потому и более совершенному письму - латинскому. Одни из турецких наций направили свою энергию на первую

задачу (именно: татары, киргизы, узбеки, туркмены), другие (именно: Азербайджан) перешли на второй, введя у себя на практике латинский алфавит. Азербайджанцы, действительно, пошли по совсем новому пути, на что и указывает название их латинского алфавита: «Новый путь».

Иначе обстояло дело у тех турецких народностей, которые никогда не имели арабского письма, как якуты. Им пришлось, собственно, не реформировать, а создавать свою письменность (ибо кроме миссионерских транскрипций русскими буквами никакого якутского письма и не существовало; научная же Bothlingk'овская транскриция не имела практического значения; не существовала и письменная литература на якутском языке). Этим об'ясняется, что уже с ноября 1917 года якуты, в лице своего научно-подготовленного представителя т Новгородова, приступили к созданию своего латинского алфавита. В конце 1917 года уже появилось первое издание «Якутского букваря» с этой латинской «Новгородовской транскрипцией», которая таким образом стала преподаваться в якутских школах. В 1923 году вышло 2-ое издание «букваря» (suruk biciк) и хрестоматия.

К этому времени и азербайджанцы выпустили на своем jeŋi jol Букварь, ряд других пособий и издали еженедельную газету. jeni jol, таким образом, оффициально принят и всецело поддерживается в Азербайджанской ССРеспублике.

Вопрос о латинском алфавите был предметом обсуждения и на 2 С'езде узбекских работников просвещения в 1922 году (по докладам т. Осман-Ходжаева и проф Поливанова), при чем С'езд принял латинский алфавит в качестве факультативного средства узбекской письменности, но практического осуществления дело латинизации в Туркестане не получило (как уже было указано, туркестанские, в частности узбекские работники просвещения налегли на другую задачу: рационализацию традиционной. арабской графики, добившись в этом отношении наилучших результатов). Итак перед нами две уже реализованные, претворенные в жизнь попытки латинизации тур. письма: Азербайджанский и Якутский алфавиты.

Внутренняя история их, однако, далеко не одинакова. В то время как получивший научную лингвистическую выучку якутский «Кирилл и Мефодий», тов. С Новгородов решил следовать в своей транскрипции универсальной фонетической азбуке —«Международному фонетическому Алфавиту», деятели азербайджанской реформы действовали, можно сказать, бессистемно (пример: ими взята, например, буква у со значением «заднего у» потому, что с этим значением эта буква фугурирует в русском (хотя русский и не есть латинский) алфавите; а буква u—со значением «переднего у»—потому что ей присуще это значение во французском; звук ▲ получил обозначение через

С—очевидно, потому, что буквы ج и с приблизительно соответствуют друг другу в порядке арабского и в порядке латинского алфавитов: abc).

Тем не менее, как якутское, так и азербайджанское разрешение вопроса вполне удовлетворительно с точки зрения намечавшихся целей: получились превосходные, вполне рациональные с точки зрения педагогических нужд азбуки, которым могут позавидовать не только такие «больные орфографией» нации, как английская и французская, но и почти любая из европейских национальностей (в том числе и русская—даже с своей упрощенной, но все-таки далеко не вполне фонетизованной графикой).

Повторяю: и якутский, и азербайджанский алфавиты превосходны, и им нельзя сделать упрека, пока не идет речь об их взаимоотношении и пока не ставится вопроса в общетурецком масштабе.

Но беда в том, что в каждой из турецких республик (напр. вслед за Азербайджанской и за Якутской: в Татаристане в Казакыстане, в Узбекистане, у карачаевцев и т. д. и т. д.) станут возникать своеобразные (т. е. со своеобразными звуковыми значениями латинских букв) латинские алфавиты, мы рискуем натолкнуться на такое противоречие, на такое «вавилонское столпотворение», которое заставит нас, м. б., пожалеть о старом арабском письме. Действительно, на примерах азербайджанского jeni jol и якутской Новгородовской транскрипции из сравнения их мы видим ряд диаметрально-противоположных звуковых значений у одних и тех же букв; напр.

Азерб. «Новый Путь»	Якутск. азбука Новгородова
ق k	q ق
ک q	k ک
ئو u	y ئو
و y	u و

Это обстоятельство побудило автора этих строк издать в 1923 году брошюру: «Проблема латинского шрифта в турецких письменностях» (Институт Востоковедения в Москве. Серия турецких языков. Вып. III), где в предисловии говорится: «Практический вывод данной статьи—необходимость созыва с‘езда или Конференции из работников просвещения турецких народов СССР по вопросам графики, чтобы предупредить готовящееся «вавилонское столпотворение» от выполнения реформы отдельными письменностями в разброд, и связанные с этим лишние расходы».

Поднятая агитация привела к созданию, весной текущего 1924 года,—при ВНАВ‘е в Москве—«Ассоциации латинского шрифта для турписьменностей» (сокращенно Аслат), которая, будучи возглавляема работниками Восточного Издательства,—ныне Центроиздата народов СССР, жизненно заинтересован-

чого в унификации тур. письменностей, имеет целью: подготовить (предполагалось к осени 1924 года) обще-турецкий С'езд работников просвещения—для решения вопроса о создании единой системы латинских графических обозначений для письменности турецких народов.

«Аслат» заготовил и предварительный проект подобного алфавита, опубликованный тов. Тюрякуловым ввиде брошюры: jaŋa alәpba (новый алфавит), Москва 1924 г.

Туркестанским работникам просвещения надлежит явиться на С'езд не с пустыми руками (как по основному вопросу о латинизации письменности, так и по другим вопросам языковой культуры, подлежащим вместе в ним обсуждению на С'езде: реформе арабмусписьма, научной терминологии, методике преподавания родного языка и литературы). По основному вопросу следует иметь готовое мнение, для чего необходимо быть знакомым с существующими уже латинскими алфавитами и их проектами.

Ниже приводятся таблицы следующих систем латинизации тур. письма.

1) Азербайджанского jeni jol

2) Якутской «Новгородовской» транскрипции.

3) Транскрипции Аслат'а (jaŋa alәpba тов. Тюрякулова).

4) Проекта узбекского латшрифта предложенного Е Поливановым («Бюллетень Ср.-Аз. Гос. Университета 6»).

5) Ленинградского проекта, обсужденного на заседаниях тюркологов и лингвистов в Академии Наук и Ленинградском Университете.

Е. Поливанов.

Ташкент, июль 1924.

Сводная таблица проектов латинского алфавита

для турецкой письменности.

1 Гласные. *ЗВУК* в М. Ф. А	в нов узб графике يڭى ئملا	jeŋi jol	Якутск.	Поливанов	АсЛат	Ленинград
ɑ –(в Ташк нет)		a	ɑ	ɑ	ɑ	ɑ
ɔ (в Ташк.)	ا، ٲ	- (не предусм)		ɔ	(не предусм)	
æ	ه، ئه	ə		^{7}ɑ	^{7}ɑ	æ
e	ې	e	e	e	e	e
ı i	ى	i	i	^{7}ı	^{7}i, ^{7}ɔ	ı
ы,ɯ – (в Ташк нет)		i̦	ɯ	ı	ı, ə	(ь) ы
o	و	o	ɔ	o	o	o
ɵ – (в Ташк. нет)		ɵ	ɔe	^{7}o	^{7}o	oe
u	ۇ	ʏ	u	u	u	u
ʏ –(в Ташк. нет)		u	ʏ	^{7}u	^{7}u	ʏ
Специально-якутские полифтонгические фонемы: ɯa			ıъ			
ie		Лигатура	ı+e			
uo		Лигатура	u+o			
ʏɵ			ʌ			
ə						ə

Примечание 1. Значек ^{7} (заимствованный из новой казакской мусграфики) ставится – в транскрипции АсЛата (а также и в узбекской латинице Поливанова. в случае ее употребления для не-иранизованных, сингармонистических говоров узб. яз) - не перед каждой отдельной гласной буквой, но перед всем словом «переднего ряда».

Примечание 2. В случае использования узб. латиницы (- проскт Поливанова) для иранизованных говоров (напр. для Ташк. говора), значек ^{7} оказывается ненужным, и следовательно достаточно следующих 6 символов (—для 6 гласн звукопредставлений данных говоров):

ɑ ɔ e ı o u

[= ه ا ې ى و ۇ в узбекской мусграфике].

Сводная таблица проектов латинского алфавита
для турецкой письменности.

2 Согласные.

Звук в М. Ф. А.	в нов узб графике	jeŋi jol	Якутск	Поливанов	АсЛат	Ленинград
p	پ	p	p	p	p	p
b	ب	b	b	b	b	b
m	م	m	m	m	m	m
f	[ف]	f	—	f	f	f
w	ۋ	v	—	w	w	w (v)
t	ت	t	t	t	t	t
d	د	d	d	d	d	d
s	س	s	s	s	s	s
z	ز	z	—	z	z	z
š, ʃ	ش	ş	—	ш	(для каз. кирг. ج c)	š
ž, ʒ	[ژ]	Z перечеркнутое	—	(не предусм. для узб)	ج j	ž
č, tʃ	چ	ç	c	c	c	c
ǯ, dʒ	ج	c	ʒ	ʒ	j	ʒ
n	ن	n	n	n	n	ṇ
l	ل	l	l	l	l	l
r	ر	r	r	r	r	r
j	ي	j	j	j	y	j
k	ک	q	k	k	k	k
g	گ	ƣ	g	g	g	g
q	ق	k	q	q	q	q
ɣ	غ	g	ʃ	ɣ	ğ	ƣ
x	خ	x	—	x	x	x
h	ه	h	h	h	h	h
ŋ	ڭ	n̡	ŋ	ŋ	n̡	ŋ
Специально якутские звуки (палатальные): n			n			
ɉ			ȷ			
j			—j—			
l			λ			
ɉ						

Примечание. Главнейшее отличие алфавита Аслата (в обозначениях согласных) состоит в придании букве j звукового значения „дж"=ج (а в казакском — „ж"), тогда как в других проектах (и в М. Ф Алфавите) j—ي рус. й) В связи с этим для ي (рус. й) должен был быть взят другой символ,— именно y [которое в М Ф А и в 2-ух из других проектов означает гласный звук в М. Ф. А. и в якутском алфавите—звук немецкого ü, в азербайджанском же алфавите—звук русского у]. Таким образом оказывается, что алфавит Аслата употребляет буквы j, y с их английскими звуковыми значениями: j=„дж", y= „й".

Азербайджанский латинский алфавит.

Употребляются и большие (прописные) буквы А, В и т. д.

a ə e i ꞁ o ɵ y u p b f v m t d s z ʒ ƶ (перечеркнутое) ç c n l r j q (Вариант q: кружок отодвинут влево и связан с палочкой горизонтальной чертой) k g ŋ x h

آ ه ـُ ـُ ـُ و ۇ ۆ ۈ ب ب ف ۋ م ت د س ز ژ ش چ ج ن ل ر ی ق ک گ ڭ غ خ ه

[اېر] [ابر] ы [اۇل] [اۇلاق] [й]

Якутский алфавит (Новгородовская транскрипция)

Варьяция Международного Фонетического алфавита. Больших букв не допускает

a e ɔ ɔ+e (лигатура) ɯ i u y ıъ ıɘ u+o (лигатура) w k q g (Немецкое готическ. прописн. h) ŋ t d n c ʒ ɲ p b m j —j— r l ʎ s h :

آ ـه و ۇ ы ۆ ۈ ыа иэ уо ӱӧ ک ق گ غ ش ت د ز چ ج нь [сербск. њ] ب پ م ی [носов й] ر ل ль [љ] س ه знак долготы (гласного и согласного)

Проект узбекского латинского алфавита Е. ПОЛИВАНОВА.

a ɔ ʻa e ɩ ʻɩ o ʻo u ʻu p в [f] w m t d s z ш c з n l r ı k g q ɣ x ŋ h

В сингармонистических говорах آ, ئا ئا ئە ـه ـه و و ۇ ۇ پ ب ف ۋ م ت د س ز ش چ ج ن ل ر ی ک گ ق غ خ ڭ ه

Проект казак-киргизского лат. алфавита „Ас Латʻаʻ“ (Москва)

a b c ç p t d r z s j q k g ǵ l m n ŋ o u w,v y ə e x f h ʻ

آ ب چ ش پ ت د ر ز س ج ق ک گ غ ل م ن ڭ و ۇ ۋ (taw vaqt) ی ئ ه خ ف ه знак для слов переднего ряда

Проект Ленинградских Тюркологов

a a+e (лигатура) e i ы(ь) o o+e (лигатура) u y p b f w,v m t d s z š ž c ʒ n l r j k g q (Вариант q: кружок отодвинут влево и связан с палочкой горизонтальной черт.) ŋ x h

ا ـه ـه ـُ ـُ و ۆ ۇ ۈ پ ب ف ۋ م ت د س ز ش ژ چ ج ن ل ر ی ک گ ق ڭ خ ه

[اېر] [ابر] ы [اۇل] [اۇلاق] (w v vaqt) ǵ

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Проект латинского шрифта узбекской письменности.

Проф. Е. Д. Поливанова.

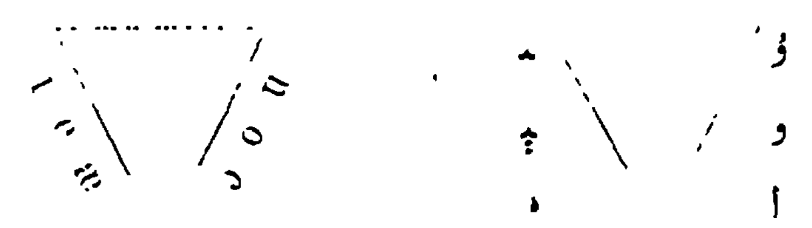
В моей работе «Проблема латшрифта в тур письменностях (Изд. Ин—та Востоковедения, серия тур. яз № 3 Москва 1923) я указывал, что если осуществлять переход к лат. алфавиту, то—непременно согласованно между всеми турецкими языками, участвующими в реформе (а не в разброд, как, к сожалению, показывает практика—у азербайджанцев и якутов) и лучше всего на основе уже признанной универсальной транскрипции, каковой является Международный Фонетический Алфавит (М. Ф. А.).

Потому в нижеследующем проекте я имею ввиду дать одно из возможных решений вопроса,—как условно упростить М. Ф. А. в приложении к узбекскому языку,—упростить постольку, поскольку этим устраняются графические неудобства и типографские затруднения.

Рассматриваю сначала узбекскую звуковую систему так, как будто мы имеем дело с одним ташкентским диалектом (на который, по существу, ведь оказывается рассчитанной и реформированная узб. мусграфика).

Для 6 ташкентских гласных фонем (в мусграфике) ا ە ې ى و ۉ в М. Ф. А. находятся след. символы. ɔ, æ, e, ı, o, u.

В «треугольнике гласных» они разместятся так:

Для согласных же следующие:

p [f] t s ʃ { вар. s̆ } c̆(tʃ) k q x h

b w m d z ʒ̆(dʒ) r l n j g ɣ ŋ

Прим 1. w=ۋ, ʃ или ш=ش, c̆=چ, ʒ̆=ج, k=ک, g=گ, X=خ, γ=غ, ŋ=ڭ, h=ه.

Прим. 2. Пропускаю звук «ʒ», как редко встречающийся (в заимствованиях) — он заменим (в узб-ом) через ʒ̆ ج.

Взглянем сначала, какие отклонения от этой системы символов были бы желательны *для пишущего от руки*

1. Вместо ȷ—ȷ (чтобы не отрывать пера от линии слова для точки).
2. « c—c « « « « « « « « зна-ка».
« з—з Ввиду того, что звуков с з (ц, дз) в узб-ом нет, условное употребление букв с з для ч дж—вполне возможно.
3. По той же причине для ш ش берется не ш, a (условно) русское ш.
4. Быть может, ввиду необходимости отрывать перо для черточки при t, возможно вместо t употреблять готическое (немецкое) его написание.

К этому присоединим изменения, диктуемые типографскими условиями:

1. Вместо æ—a. Так как другого (не переднего) a в Ташкенте нет, эта условность вполне допустима.
2. Вместо ı—i (Так как ı ȷ без точек нет в кассах) таким об-
„ ȷ—j разом пусть пишется ı ȷ, а печатается i j

После этого трудными в типографском отношении буквами будут только: ɔ (перевернутое с), γ (греческая „гамма"), η (греч. „эта"). Но трудности эти, можно думать, преодолимы (они ничтожны по сравнению с трудностями якутского или азербайджанского латшрифтов)

В итоге получится следующая азбука.

В письменном виде:

a ɔ b c d e f g γ h e з ı ȷ k l m n o p q r s ш t u x z

В печатном виде·

a ɔ b c d e f g γ h e з ı j k l m n o p q r s ш t u x z

ه ا چ گ غ ھ ې ـ ـ ي ك و ق ش س ت و خ ز

Большие (прописные) буквы, конечно, совершенно излишни и не включены в алфавит.

Письменная форма алфавита, как видно, делает процесс письма очень легким—особенно если не отрываться от строки для надстрочных точек над i ȷ. Приведу образчик Ташкентского текста в проектируемом письме.

تالنك بدرگی یېرگه تۇشدی دك ئكەملەر قولگە تۇشدی ئونی قاراب (قەرەب) گول عەسەلخان ۋای تۇرەم‌لەب یولگه تۇشدی

tɔlnı bargı jerga tuшtı, beg akamlar qolga tuшtı, unı qarab gul asalxɔn wɔj turam-lab jolga tuшtı.

То же печатными буквами·

tolni bargı jerga tuшtı, beg akamlar qolga tuшti, uni qarab gul asalxɔn wɔj turam—lab jolga tuшti

Остается серьезный вопрос: можно ли писать этим письмом на других,— сингармонистических диалектах узбекского языка?

Ответ можно. Лишней окажется буква э. Буквы же а, о, u, ı (письм 1) будут иметь по два звуковых значения, а=а и ә, о=о и ө(o), u=u и у(ü), ı=ı и ы. При этом, если в слове будет участвовать одна из букв е g ғ k q, то характер гласных в нем не будет вызывать сомнения (т. к. будет ясно—переднего или заднего состава слово) В прочих случаях можно прибегнуть, по образцу новой киргизской графики, к знаку ˙ перед словами переднего состава. qazaq ˙ tılıda [˙ tılıda] (благодаря ˙—ясно, что нельзя читать tыlыda).

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Об азербайджанском латинском алфавите

Переход к латинскому шрифту в турецких письменностях есть уже факт реализующийся. Рассматриваем ли мы латинский алфавит, как побочное средство, при существовании традиционного мусульманского письма, или же, как предрешенную замену последнего, во всяком случае все попытки интернационализации письма, лежащие в основе этих движений к латинскому шрифту, следует, конечно, оценивать как явление прогресса. Но полезными эти попытки могут быть только тогда, когда из них устранен стихийный характер, когда между турецкими нациями будет договорено обоснование новой транскрипционной системы, когда будет устранена опасность, что латинский шрифт придется изучать с новыми фонетическими значениями при каждом отдельном языке, переходящем к этой письменности. Это—первая предпосылка для анализа новой транскрипционной системы, в частности принятой Азарбайджанским Комитетом «jeŋı jol» Звуковой состав, который является характерным для турецких языков, как таковых, и повторяется в большинстве из них, должен быть обозначаем одними и теми же постоянными символами в разных языках. Определить возможности подгона типичной турецкой звуковой системы под латинский шрифт и необходимость дополнения при этом и является задачей настоящей заметки. Каковы же должны быть требования к новой системе письма? Здесь нужно указать:

I. Что оно должно быть фонетическим. Это не значит, однако, что должны передаваться всевозможные оттенки звуков, наблюдающиеся в данном языке в зависимом положении от других звуков. Такого рода детальная фонетическая транскрипция составляет предмет чистой науки, а не житейской практики. Идеальным фонетическим письмом является такое, которое не обременяет знанием специальных значков

для отдельных оттенков звуков, а содержит лишь то число графических символов, которое соответствует звуковым элементам словоразличения в данном языке Из этого вытекает, что прежде всего должны быть подсчитаны представления звуков, способных дифференцировать слова, иначе говоря, фонемы данного языка и за каждой из них должен быть закреплен один постоянный графический символ, который нигде, ни в одном слове с другии значением не должен фигурировать В этом залог педагогической выгоды фонетического письма, так как умение читать непосредственно достигается при этих условиях после упражнений в расчленении слов на звуки (звуковым методом) и запоминания соответствующих букв. Мы не должны выпускать из виду, что от перехода к латинскому письму больше всего выиграет турецкая школа, благодаря экономии труда в обучении грамоте.

2. Вторым требованием к новой транскрипции следует считать ее удобство в типографском отношении; желательно по всей мере возможности избежать отливки новых литер, для нормальной турецкой системы при девяти гласных ,обойтись буквами латинского алфавита, конечно, нельзя. Нужны условные обозначения вроде ö, ü, но с другой стороны употребление точек, тормозящих руку пишущего, именно и нежелательно. Стремясь к графической простоте, можно прибегнуть к дополнениям латинского алфавита из русского. Но из какой же уже имеющейся практики следует исходить при взвешивании всех возможных условий выбора? Лингвисту, имеющему в виду интернационализацию орудии культуры, позволительно было бы прямо сказать: ведь существует международный фонетический алфавит, составленный на основе латинского, предусматривающий всевозможный состав звуковой системы и применимый с известными оговорками к любому языку, почему бы не пользоваться им и в турецкой письменности? Представим себе для примера обозначение звуков этим международным алфавитом для говора города Туркестана (как типичного представителя турецкого сингармонизма)

Гласные: a æ e i ы o ɵ u y.

Согласные: p b (f) w m t d s z š č ǯ n l r j k g ŋ γ x h ˙ (для ع)

Те же знаки в общем можно было бы употреблять и для казак-киргизского и азербайджанского Недостатком является с типографской точки зрения введение новых букв,именно: æ, ə, а также надстрочных значков в буквах для ш, ч, дж (и ž для ж). Естественнее всего было бы пользоваться этой системой для всех турецких языков; практика, однако, констатирует совершенно своеобразный, нарушающий европейскую лингвистическую традицию способ обозначения специфических турецких гласных. Так.

азербайджанская азбука принимает во-первых, ə вместо æ (ä), употребляя, следовательно, для переднего ä знак, который обыкновенно принято употреблять для гласного неполного образования («шва»), во-вторых, u для ü—вместо принятого в международном алфавите y; выбор этот, вероятно, об'ясняется значением u во французском языке; в третьих, наоборот употребляет y для u, т. е. употребляет y с русским значением. Эти три пункта, совершенно расходящиеся с лингвистической традицией, требуют внимательного обсуждения именно с обще-тюркской точки зрения. Азербайджанская транскрипция, надо признать, удобнее, чем международные значки ä, ü, и не следует ли нам просто согласиться с принятой в Баку условностью?

Два другие добавления для обозначения гласных, именно ɵ для ö и особого знака для ы не являются неожиданностью ɵ или перечеркнутое o—знак, известный уже в международном алфавите; выбор особого знака, для ы конечно, произволен. Но международный алфавит в свою очередь не может предложить более удобного знака, отмечая разные сорта звуков ы через ı или ɯ. Вот все что нужно для изображения вокализма. Для сравнения символов международного фонетического алфавита и алфавита «jeŋi jol» приведу их, расположив их по треугольнику гласных

М. ф. а.			«jeŋi jol»	
i [y]	ɯ [u]		i u	ı̡ y
e [ɵ]	o	Примеч. В скобки заключены знаки губных гласных (в м. ф. а.)	e ɵ	o
æ			ə	
	a			a

В области согласных «jeŋi jol» может быть гораздо более подвергнут критике. Так, аномалией с точки зрения международного алфавита является употребление q для ك (вместо k), k для ق, а не наоборот. Создание специального знака ƣ для غ (при g=ɡ). Для заднеязычного носового (ŋ=нг) употреблен особый символ ŋ, что конечно, нужно в принципе признать правильным. Совершенно неожиданно употребление c для дж; вероятно, это об'ясняется лишь порядком букв в арабском алфавите, к которому подбирались латинские соответствия. Точно также произвольно употребление ç для ч, з для ш, и перечеркнутого ƶ для ж (при z=русское з как в международном алфавите).

Особенно неожиданно употребление русского з для ш; казалось бы более естественным взять русский знак ш, если уже прибегнуть к подражанию русскому алфавиту. Таковы нововведения в области консонантизма, если не считать еще двух надстрочных значков для гамзы и айна. Наконец, следует отметить, что алфавит «jeŋi jol» предусматривает употребление как строчных, так и прописных букв. С фонети-

ческой точки зрения, употребление последних ничем не оправдывается и является обузой в деле обучения грамоте. (Семасиологическая функция прописных букв в написании собственных имен. и т. д , не говоря уже об общей ее фиктивности, совершенно чужда традициям арабской и турецкой письменности). Поэтому в качестве пожелания при пользовании алфавитом „jeni jol“ или ему подобным, можно было бы выразить надежду, что буквари и учебные пособия будут знакомить только с одной строчной формой каждой буквы Естественным возражением против этого явится ссылка на европейскую письменность, так как при изучении французского и других языков все равно приходится знакомиться и с прописными формами алфавита.

В итоге не смотря на полную пригодность рассматриваемого азербайджанского латшрифта для нужд школы, т. е. несмотря на полную удовлетворительность его в азербайджанском масштабе, приходится признать, что подобное проведение реформы одновременно рядом народностей создаст крайне вредный «разнобой»

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Новый якутский алфавит.

[По поводу «suruk biciк». Якутский букварь с книжкой для детского чтения Составили С А. Новгородов, Н. Афанасьев и П. Слепцов (в основу полож. якутский букварь 1917 года и рукопись В. Ионова) Госиздат 1923 год. 46+33=79 стр.]

Уже второй букварь выпускается якутами на их новом латинском алфавите так называемой Новгородовской транскрипции; на днях вышла кроме того и энциклопедическая хрестоматия (книга для школьного чтения и самообразования на родном языке с разнохарактерными отделами: литературным, медицинским,—к сожалению очень скромным — политическим и пр)—при участии, главным образом, того же неутомимого Новгородова.

Я остановлюсь не на педагогической оценке букваря*), а исключительно на самом способе якутского письма—транскрипции.

*) Содержание его—труха в букваре—нет ни одной революционной строчки Перед этим бледнеют все прочие недостатки и достоинства (которые в букваре бесспорно есть: он выдержал бы педагогическую критику старой школы). Нельзя не упрекнуть за необдуманное употребление рисунков (из которых некоторые ценны даже в этнографическом отношении). Например, рисунок подписанный [illegible] («весна»—обще тур jaːz), изображает корову и два колеса, что никак не вызовет в ребенке представления «весна»; не хорошо употреблен также рисунок для [illegible] «лиственица» и mas «дерево» и пр

В противоположность большинству—имеющих письменность турецких языков, якутскому не пришлось связаться с мусульманской культурой и арабским алфавитом; потому теперь якутам, в деле создания рационального письма, не приходится иметь дело с промежуточной стадией—рационализацией средств арабской азбуки для передачи родных звуков, чем заняты реформаторы туркестанских, например (узбекской, казакской и киргизской) письменностей, у якутов просто совершается переход к конечной цели—латинскому шрифту. На первый взгляд, возможен, казалось бы, еще вопрос: почему непременно латинский шрифт? Нельзя ли (м. б. в связи с наличием во всех типографиях СССР русского шрифта) приспособлять к звуковому составу турецких языков русскую азбуку*) с нужными к ней дополнениями?

Но на этот вопрос, несмотря на то, что теоретически (т. е. с точки зрения фонетических требований к рациональному письму**)) и можно было бы обойтись искусственным видоизменением (с пополнениями) русского алфавита, я считаю необходимым решительно отказаться от подобных попыток, и вот на каких основаниях.

1) для конечной задачи интернационализации культуры и ее орудия—письменности, в мировом масштабе, конечно, выгодно сделать шаг не к русскому, а к латинскому алфавиту,

2) существование в данном народе навыков и русского, и родного письма будет более выгодно обставлено (лишено сбивчивости), если обе системы письма будут принципиально резко разграничены, что достигается выбором для родного языка заведомо иной, именно латинской системы символов;

3) нужно учитывать фактический выбор латинского, а не русского шрифта другими, делающими реформу турецкими народами (кроме наиболее вросших в русскую культуру—чувашей—ни у одного из турецких народов не применяется, насколько мне известно, русский шрифт);

4) самое главное: эпоха—недоброй памяти—русского колонизаторства оставила такую ненависть в турецких народах (сужу по туркестанским) к руссификации и к ее орудию—мис-

---

*) Ср. современное употребление русского шрифта для эрзя-мордовской и чувашской письменностей

) Ведь существует же академическая **Русская Лингвистическая Азбука, представляющая универсальный (годный для всяких звуковых систем) фонетический алфавит—на основе русской азбуки,-так же, как другой универсальный **Международный Фонетический Алфавит** (сокращенно **МФА**) создан (французской фонетической школой) на основ. латинской азбуки.

***) Оценке перспектив, имеющихся у разных национальных алфавитов для будущих групповых объединений народов—(на почве общего письма и общего языка), мною посвящена специальная работа [по заказу **Ассоциации Востоковедения (ВНАВ)**].

сионерским русским транскрипциям, что само напоминание о русском шрифте болезненно, как тревожащее недавние раны от национального гнета; и потому попытки отстаивать (для каких-либо теоретических соображений) возможность пользоваться русской азбукой, отнюдь нельзя рекомендовать. На 2-м С'езде Узбекских Работников Просвещения, который главное свое внимание уделил вопросу узбекской графики, ни одного голоса не было в пользу русского шрифта [эта возможность была просто откинута, и даже высказывался протест против введения в узбекский латинский алфавит единичных русских букв для специфических звуков (именно русского «г» для ғ— гайн'а и русского «н» для заднеязычного носового—нг)].

Итак, будущее письмо турецких наций предрешается в виде латинского алфавита. Вполне естественно при этом исходить уже из готовой формы интернационализованного лат письма. имеющегося в виде вполне научного Международного Фонетического Алфавита (МФА), принятого большинством западно-европейских (и частично русских) ученых-лингвистов в фонетических описаниях всевозможных языков (подробности о МФА, как и самый алфавит—в статье Л. В. Щербы «К вопросу о транскрипции» в Известиях Отделения Рус. языка и словесн. Академии Наук XVI том, книга 4).

Так и поступает якутская реформа, являющаяся собственно видоизменением МФА, точнее—отбором из МФА нужных для якутского символов, с несколькими отклонениями, которые перечисляются ниже. И остается только пожалеть, что другие турецкие письменности, встающие на путь латинизации, в частности азербайджанский jeni jol, не имели в виду этой общей модели (МФА). Иначе эти реформы были бы действительно делом интернационализации по прямой линии Теперь же оказывается, что азербайджанский алфавит придал некоторым латинским буквам совершенно неожиданное значение, противоречащее Международному Фонетическому Алфавиту и практике других письменностей: в частности это касается букв k q (и его варианта ɜ) g u y c з ç z (именно перечеркнутого по средине, что дает значение ж) ə и др. Если и другие турецкие языки в своих реформах пойдут подобным образом в разброд, то предстоит угрожающая опасность «нового вавилонского столпотворения»: вместо интернационализации, вместо единого принципа письма создадутся такие специальные отличия в латинских алфавитах разных языков, что они окажутся труднее и путаннее, чем современное положение с арабским шрифтом. Избежать этого, пока не поздно, пока не слишком много еще сфантазировано «отсебятины» (частью допущенной и Новгородовым в якутском), пока не истрачено еще большого количества денег на новые шрифты,—можно только посредством созыва С'езда или Конференции представителей Работников Просвещения Турецких Народов СССР по вопросам графики (как

реформируемой арабской, так и вновь вводимой латинской; а вместе с тем и по вопросам научной терминологии для турецких языков). Дело это первостепенно важное для строящихся «красных культур» турецких национальностей, и здесь действительно «промедление смерти подобно».

Кроме указанного задания—следования интернациональному универсальному м. ф. а-ту в создании национальной якутской азбуки, естественно и второе требование· возможное облегчение типографского дела в отношении тех форм, отсутствующих в русских типографиях, которые включает м. ф. а. и которые приходятся на нужные для данного языка звуки (ведь будучи универсальным, м. ф. а. содержит знаки, расчитанные на всевозможные звуковые системы—буквально для всех языков, потому печатать м ф. алфавитом не допуская в них изменений можно, собственно, только в типографии Академии Наук). Как же справилась, посмотрим, с этими заданиями, как согласовала их Новгородовская*) транскриция?

Якутская звуковая система содержит 12 гласных фонем (т. е. представлений взаимно различающихся звуков) и 21—согласных, не считая долгих вариантов тех и других. Соответственно этому новый якутский алфавит содержит 12 букв для гласных+21 для согласных,—итого 33 буквы, к которым прибавляется еще знак долготы (именно : [двоеточие], как и в м. ф. а.) для обозначения долгих вариантов гласных и согласных Таким образом, между звуковыми элементами речи и элементами графики (буквами) полная согласованность: выдержано основное, обязательное для рациональной системы письма правило—«каждая фонема (отдельное представление звука или элемента словоразличения) передается отдельной буквой, которая во всех случаях имеет только эту функцию и ни с каким другим звуковым значением не употребляется»,—правило,—выполнение которого обеспечивает педагогическую удовлетворительность данного письма**).

---

*) Несмотря на мое участие в выработке этой транскрипции, отношение мое здесь к ней совсем не «со-авторское», так как окончательный вид Новгородов придал транскрипции уже помимо меня

Е. П.

**) Вспомним, сколько напрасного труда от учителя и ученика требует дефективное в этом отношении письмо, где одна буква имеет разные звуковые значения, каковы особенно английское или французское, в меньшей степени русское, в котором, нпр., буква е имеет след. 5 звуковых значений 1) йэ (=јe в м ф. а) в нач. слова и после ъ, ь: ель, есть, отъезд. 2) звук э (е в м. ф. а.) при мягкости предшествующего согласного, которая опять-таки этой же буквой е и указывалась: день, тень, 3) йо (јо) в начале слов и после ъ, ь елка, объем 4) звук о после мягкого согласного: нес, звезды, 5) звук о после твердого (не имеющего мягкого варианта) согласного: шел. Какая массовая экономия народного времени и труда получается при рационализации графики, легко поймет тот, кому приходилось работать в начальном обучении. См. между прочим мои тезисы «О реформе узбекского алфавита» в органе Турк. Наркомпроса «Наука и Просвещение» 1922 г. № 1.

Из 12 гласных фонем 8 приходится на однородные гласные: а е ɔ (открытое о вроде русского) ɔe (открытое ö вроде гласного французкого boeuf, oeuf, meurt, coeur, de, me, te и т д) ɯ (ы), i u (русск. у) у, а 4—на фонемы дифтонгические.

Из букв для однородных гласных все кроме ɔe являются полным следованием м. ф. а.; можно даже ждать упрека в излишней зависимости от м. ф. а.; при выборе ɔ для открытого о - практически казалось бы проще взять просто знак о (который в алфавите Новгородова так совсем и не употребляется), раз нет другого закрытого о. Но здесь Новгородов не желал отступать от традиции международки.

Лигатура же ɔe является нововведением вместо œ в м. ф. а.—нововведением, которое нельзя однако теоретически оспаривать: данный звук есть переднее е—образное ɔ, поэтому и вывод лигатуры ɔe фонетически вполне логичен. Но с практической точки зрения можно сказать (как и насчет выбора ɔ)—зачем лишний, да еще такой трудный для типографий знак? Нельзя ли заменить его, с условием оговорки отступления от м. ф. а., русской буквой ѳ («фита»)—тем более, что закрытый вид этого типа гласных и передается в м. ф. а. через букву, весьма напоминающую «фиту». Итак, с небольшим безвредным отступлением от теоретического выдерживания м. ф, а., можно было бы в простых однородных гласных обойтись без введения ɔ, ɔe; точно так же можно было бы, условно, вместо ɯ пользоваться русским ы Но Новгородов здесь не задумывался над типографскими трудностями.

В этом он решительно заслуживает упрека, когда мы переходим к «неоднородным» гласным: дифтонгическим (или полифтонгическим) фонемам 1) ɯɑ (русскими соответствиями выражается в виде ыа) 2) ie (рус. соотв. иэ) 3) uo (рус. соотв. уо), 4) уѳ=уö (у Новг w—здесь произвольно взята буква, имеющая в м. ф. а. значение согласного—губно-губного в)

Из 4 знаков 3 здесь новые для типографии и притом не данные в м. ф. а., 4-ый (w)—есть в типографиях, но представляет полный разрыв с зависимостью от м. ф. а. Итак, здесь есть известная непоследовательность Перед тем, однако, как критиковать выбор этих 4-ех знаков, нужно указать на одно их несомненное достоинство Важно принципиальное решение взять для этих дифтонгических фонем особые единые знаки, а не комбинации знаков для простых гласных (напр ɯa, ie, uo, уɔe), решение, которое следует признать правильным и теоретически и с точки зрения педагогических выгод. Кажущееся же на первый взгляд возможным возражение, что этот принцип особых символов для дифтонгов затруднит начальное обучение, тк. кк. обязывает к запоминанию лишних 4-ех знаков, несомненно не выдерживает критики. Эти знаки не обременяют, а облегчают обучение, так как благодаря им последовательно

проводится принцип. дать на одно представление звука (фонему) один знак

Тут же мы действительно имеем «дифтонгические фонемы». но не дифтонгические сочетания фонем, т. е. не сложение представлений ɯ+a, u+ɔ и т. д. Такова описательная (статическая) психофонетическая характеристика данных якутских дифтонгов, и за это же говорит и историческое их происхождение: они восходят не к слиянию двух простых гласных, а наоборот к раздвоению (или полифтонгизации) древних долгих узких гласных нпр ы.→ɯa и т. д.). Итак, идея взять для них новые единые знаки—вполне правильная Но она вместе с тем неизбежно означает и разрыв с м. ф. а., тк. кк. единых начертаний для неоднородных гласных м. ф. а. не предвидит*).

Теперь о самых избранных знаках. Поскольку разрыв с м. ф. а. (не предвидящим, как сказано, единых начертании для полифтонгических фонем) здесь предрешен и теоретически оправдываем, задача, казалось бы, представлялась так: взять для этих знаков любые начертания из непредставляющих для типографии трудностей (т. е. такие знаки, которые не пришлось бы специально заказывать в Петербурге или Москве). Так Новгородов и сделал в выборе ᴡ,—совершенно произвольного, так сказать, грубо условного символа для уө (ÿɵ), но только в этом случае.

Если бы он был, однако, последовательным, он и для этого дифтонга сфабриковал бы лигатурный знак, как и для ɯa (рус. соотв. ыа), для ıe (рус. иэ), для uo (рус. соотв. уо).

Здесь ему пришлось бы создать лигатуру из у и ө. Здесь, однако, он дошел до предела трудностей в фабрикации новых букв, и хорошо сделал, что от нее отказался. Но нужно ли было фабриковать остальные 3 буквы?

Теперь это дело прошлое, и имеет лишь исторический интерес, так как буквы сами по себе хорошие, — поскольку они уже готовы, т. е. сделаны и отлиты, и потому совершенно не хочется упрекать Новгородова за созданные им себе трудности, раз они практически,—благодаря его неутомимой настойчивости, уже преодолены Но когда я увидел в окончательном виде его алфавит, для которого он приехал в Петер-

*) [Если последовательно применять м ф. а. к якутскому, данные дифтонгические фонемы нужно обозначать все же двумя знаками, второй из которых, однако, не должен быть равен символу для сходного типа простого гласного, таким образом нпр. не uɔ, а uo с леммой под обеими буквами (лемма под обеими буквами указывает на принадлежность обоих звуков к одной фонеме), так как второй элемент этой дифтонгической фонемы действительно уже, чем простое открытое ɔ; то же применимо и к другим данным дифтонгам так изображая второй элемент в ıe через e, для простой фонемы следовало бы взять символ более широкого гласного ɛ (не e; собственно в выборе e, а не ɛ для простого «е»—известная непоследовательность Новгородова, вполне однако приемлемая практически)].

бург заказывать необходимые литеры (да еще в столь трудную для всяких технических работ пору), я был прямо в ужасе, что издательское дело якутов застопорится из-за этих заново придуманных знаков, без которых можно было бы ведь, при практическом решении вопроса, и обойтись. Действительно поскольку задача гласила взять любые из невзятых для простых гласных символов, то можно было бы обойтись и тем, что нашлось бы в типографиях, пускай для уө—ʏ, как и теперь у Новгородова, для іе можно было взять просто русское «ять», для ɯа—просто русское ы, если для простой фонемы взято, как теперь у Новгородова, ɯ (не ы). Так же и для дифтонга «уо» можно было бы условно взять простое о.

Возможен был, конечно, и другой выбор, не обязывающий к затратам на изготовление в Петербурге новых букв. При том же, который только что указан, для всех якутских гласных удалось бы обойтись всего-на-всего следующими знаками: а, е, ɔ, ө, ɯ, і, u, у,—для простых, ы, ѣ („ять“), о, ʏ—для дифтонгических, т. е. всего только с двумя отличными от имеющихся в латинском и русском (старой орфографии) алфавите буквами ɔ и ɯ, которые легко достигаются обратным поворотом кверху букв с и m (если даже не отождествлять ш с ɯ). В общем, следовательно, полагаю, что создание рациональной—и на основе м. ф а.—якутской азбуки, в области гласных, возможно было без тех технических трудностей и затрат, с какими было сопряжено изготовление Новгородовских лигатур.

Но они уже есть, уже печатаются, и теперь против них спорить не приходится (т. к. теоретически последовательными оказываются все таки именно лигатуры, а не предполагаемое мною возможным условное употребление «фиты», «яти», ы и о). Не встретят они критики и с точки зрения единой обще-турецкой линии в латинизации турецких письменностей в СССР, так как дифтонги, обозначаемые у Новгородова лигатурами,—специфическое якутское явление.

Обратимся к согласным. Знаки k, g, q, b, t, d, n, m, j, z, l, s—в полном соответствии с м. ф. а. (и в большей части—с нормальными ассоциациями латинского алфавита)

Вполне уместным отступлением от м. ф. а является употребление с з (вместо č ž) для ч дж; упрощение это удобно потому, что звуков ц, дз в якутском нет и следовательно не может выйти никаких недоразумений

Графически удобно также введение ʎ для мягкого (палатального) l (вместо ȷ̊l в м. ф. а.). Вполне уместно и (не предусмотренное м. ф. а.) создание особого знака для «носового й—ота».

И только один из согласных символов, именно ꞁ для так называемого ғ—гайна турецких языков (задне-язычного спиранта) вызывает возражения—и за нарушение ассоциаций м. ф. а., где этот символ взят для ш (которого впрочем нет в якутском языке), и с точки зрения типографской техники.

Обращаясь, однако, к другим латинским турецким алфавитам, мы не находим себе точного указания для выбора знака для ғ—(«гайна»): азербайджанский «Новый путь» пишет g (за то для переднего смычного ʓ употребляет новый знак), а алфавит, проект которого был заслушан Узбекским С'ездом 1922 г., пользуется русским г (тогда как g—для ʓ), что, однако, мало удобно ввиду сходства печатного лат. r и руск г. Таким образом, в обозначении этой, типичной для тур яз. фонемы, мы находим полное разнообразие, к которому выбор Новгородова, с его отступлением от м. ф. а., прибавляет только одно произвольное решение.

К специфическим особенностям Новгородовской транскрипции, унаследованным ею от м ф. а., относится и необычное на первый взгляд 1) отсутствие больших (прописных) букв, 2) неупотребление знаков препинания. С первым- изгнанием больших букв, бесспорно следует согласиться—прежде всего из' педагогических выгод: ясно, что запоминание одной формы букв вместо двух является здесь экономией. Пользы же от употребления больших букв нет никакой. в языке ведь им не соответствует никакого различения звуков, и правила о больших буквах (почему напр. Франция—с большой, а французы—с маленькой буквы?) только обременяют обучение письму. Желательно, чтобы в этом последовали якутскому и другие турецкие лат. алфавиты. Вопрос о знаках препинания является спорным. Здесь много значит синтаксический и морфологический строй данного языка. Так в турецких, в частности в якутском, большой потребности в знаках препинания, действительно, не ощущается. Но практика, я думаю, все же сделает употребление (тех или других) знаков препинания факультативно возможным.

Москва—Ташкент 1923. *Е. Поливанов.*